

Г. ФАЙХИНГЕР И РАННИЙ ГУССЕРЛЬ: ОПЫТ НЕ ВПОЛНЕ ОБЫЧНОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ

НЕЛЛИ МОТРОШИЛОВА

Доктор философских наук, профессор.

Сектор истории западной философии, Институт философии Российской Академии Наук,
109240 Москва, Россия.

E-mail: motroshilova@yandex.ru

Эта статья задумана как довольно необычное сопоставление двух путей в философии, как и некоторых идей: философа Г. Файхингера, с одной стороны, и раннего Э. Гуссерля, с другой стороны, и в период, когда они были коллегами в Университете Галле (конец XIX века). Анализ, предпринятый в этой статье, сконцентрирован вокруг следующих специальных проблем: – раннее “объективное” противостояние в конце XIX века идей натурализма, позитивизма, прагматизма, как они были представлены Г. Файхингером и антинатуралистских ориентаций раннего Гуссерля; – сопоставляются “Философия Als Ob” Файхингера и идеи из “Логических исследований” Гуссерля о “законах природы” как “идеализирующих фикциях”. Отдельного внимания в деятельности Г. Файхингера также заслуживают важные специфические историко-философские разработки. Это чисто кантоведческая линия, запечатленная, например, в обширном специальном его комментарии к “Критике чистого разума” Канта. Надо сказать, что деятельность Г. Файхингера еще очень мало изучена, равно как и деятельность раннего Гуссерля. Автор намерен пролить свет на этот малоизученный сюжет.

Ключевые слова: Ранний Файхингер, “философия als ob” Файхингера, ранний “натурализм”, ранний “позитивизм”, ранний “прагматизм”, ранняя философия Э.Гуссерля.

H. VAIHINGER AND EARLY HUSSERL: AN ATTEMPT OF A SOMEWHAT UNCOMMON COMPARISON

NELLY MOTROSHILOVA

DSc in Philosophy, Professor, Chief Research Fellow.
Department of the History of Western Philosophy, Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences, 109240 Moscow, Russia.
E-mail: motroshilova@yandex.ru

This article is conceived as a rather unusual comparison of the two ways in philosophy, as well as of the same ideas of H. Vaihinger, on the one hand, and of early E. Husserl, on the other hand – in the period, when they were the colleagues at Halle University to the end of XIX-th century. The analysis, given in this article, is concentrated on the special problems as follows: – the early “objective” juxtaposition to the end XIX-th century of the naturalism, positivism, pragmatism as represented by H. Vaihinger and of the anti-naturalistic orientation of early Husserl; – the H. Vaihinger’s “Die Philosophie des Als Ob” and some ideas of Husserl (“Logische Untersuchungen”) about so called “the laws of nature” as “idealized fictions”. Special attention in the work of H. Vaihinger also deserves his important historical and philosophical investigations. This is, for example, his comments to Kant’s “Critique of Pure Reason”. It must be said that the philosophy of H. Vaihinger still very poor explored, as well as the works of early Husserl. The author intends to shed light on this poorly explored subject.

Key words: Early Vaihinger, Vaihinger’s philosophy “als ob”, early “naturalism”, early “positivism”, early “pragmatism”, early Husserlian philosophy.

Представленный в данной статье сравнительный анализ необычен уже потому, что его трудно найти в литературе (мне, во всяком случае, не удалось изучить имевшие место редкие исследования на эту тему¹). Между тем Гуссерль и Файхингер работали в университете Галле на одном факультете. Г. Файхингер (1852-1933) был профессором этого университета в 1884-1906 гг. Стало быть, он уже три года преподавал в Галле, когда там появился Гуссерль. И пусть Гуссерль и Файхингер не принадлежали к одному более узкому кругу общения, пусть заметные, значимые для Германии и всего мира деяния Г. Файхингера как основателя “Kant-Studien” (1897), популярного до сих пор философского издания, а также “Кантовского общества” (с 1905 года) были ещё впереди, – считаю важным обратить внимание на те “узлы” философских

¹ Такова, например, одна работа, оказавшаяся недоступной для меня: Lapp A. (1913) *Die Wahrheit. Ein erkenntnistheoretischer Versuch orientiert an Rickert, Husserl und Vaihingers “Philosophie des Als-Ob”*. Stuttgart: W. Spemann.

взаимовлияний и перечислений, которые по крайней мере объективно не могли не воздействовать на “мир” духа и поисков раннего Гуссерля.

Философский путь Файхингера не был прямым и гладким. Ганс Файхингер в молодости испытывал различные философские и литературные влияния: он то увлекался Новым Заветом, то переходил к “пантеизму с его воодушевлением природой”, то восторгался книгой Гердера *Идеи к истории человечества*, то погружался в восторженное же изучение диалогов Платона, то становился поклонником философской поэзии Шиллера. Все это, как рассказал сам Файхингер, происходило ещё в школьные годы (Vaihinger, 1921, 175-176 ff.).

Поступив в 1870 году в Тюбингенский теологический институт, – тот самый “Тюбингенский штифт”, в котором в конце XVIII в. учились Гегель, Шеллинг, Гёльдерлин, – Файхингер обнаружил, что порядки в нем теперь были вполне либеральными: молодым воспитанникам, утверждал он позже, предоставлялась полная свобода. За работу на тему “Новые теории сознания” (обратите внимание: Гуссерль, когда он впоследствии готовил и писал свои первые работы, примерно так же мог обозначать направленность своего теоретического интереса) воспитанник института Файхингер получил свою первую научную премию, позволившую ему предпринять путешествие в Швейцарию и Италию. Философию в институте тогда преподавал интересный и значительный философ, логик Хр. Зигварт (на которого ссылался, с которым впоследствии полемизировал ранний Гуссерль). Студент Файхингер испытывал противоречивые чувства: он отдавал должное тому, что Зигварт реформировал логику; но в собственно философских вопросах, признавался Файхингер, Зигварт нагонял на него страх (Vaihinger, 1921, 179).

В студенческие годы Файхингер увлекался античной философией. Но ни с чем не сравнимое впечатление, по собственным словам философа, произвела на него – в те же студенческие годы – философия Канта. “Во всех отношениях он действовал на меня освобождающе, ничем меня не связывая” (Vaihinger, 1921, 180). Особенно впечатляющим казалось Файхингеру кантовское учение об антиномиях. А идея о примате практического разума, писал философ, отвечала самой “внутренней сущности” его собственной личности. Впечатление от систем Гегеля, Фихте, Шеллинга было не таким сильным, хотя в Тюбингене их, понятное дело, требовалось изучать весьма основательно.

Файхингер пережил также сильное увлечение учением, в частности, пессимистическими идеями Шопенгауэра, истолковав их как средство

переносить тяготы жизни, не утрачивая её этического смысла (Vaihinger, 1921, 180, 181). (Здесь было и личное признание: Файхингер, с детства страдавший тяжелой формой близорукости, а вместе с тем наделенный активным жизненным темпераментом, остро переживал это несоответствие и преодолевал его, что вполне можно понять, не на пути жизненного оптимизма, а принимая в расчет иррациональные, темные стороны бытия и в то же время не давая им одержать над собой победу).

Философия немецкого идеализма, как она развивалась после Канта, тем разочаровывала Файхингера, что была слишком рационалистической и не признавала, не истолковывала значимости иррационального, что она возводила на пьедестал логическое, не признавая и не объясняя алогичное. А потому коррекция к немецкому идеализму, к философии Канта, предложенная Шопенгауэром, была горячо принята молодым Файхингером. (Хотела бы заметить, что в России в тот же период наблюдалось сходное по направленности воодушевление философией Шопенгауэра).

Все эти студенческие увлечения Файхингера не мешали изучению классических языков, археологии и германской филологии.

В 1874 году Файхингер защитил в Тюбингене свою первую диссертацию по уже известной нам теме отмеченного премией сочинения – “Новые теории сознания”. Во время пребывания в Лейпцигском университете, куда Файхингер отправился вскоре после защиты, на него особое влияние произвела (вышедшая еще в 1866 году) знаменитая и вызвавшая громадный интерес книга Фридриха Альберта Ланге *История материализма*. Её обычно считают “часом рождения” неокантианских направлений в последних десятилетиях XIX в. Нам нельзя забыть о том, что и Гуссерль в *Философии арифметики* проявит внимание к этой работе Ланге, которую он будет цитировать уже по третьему изданию 1877 года. Присмотримся к тому, как книга Ланге воздействовала на одного из тех, кого к этим направлениям причисляют, на молодого Ганса Файхингера. То обстоятельство, что Файхингер, как и Гуссерль, пользовался более поздними ее изданиями, весьма важно. Файхингер отмечал: первое издание работы Ланге страдало недостатками, которые особенно бросались в глаза привыкшим к научной аккуратности немецким философам. Последующие издания, заметно исправленные и дополненные, как раз и стали вехой, событием в творческой жизни Файхингера. Он сам писал об этом не в сухой, абстрактной, а в личностной, исповедальной манере:

Теперь я наконец нашел человека, которого понапрасну искал четыре года пребывания в Тюбингене: я нашел руководителя (Führer, фюрер – тогда это немецкое слово ещё не было одиозным. – Н.М.), мастера, “идеального учителя”. Здесь царил тот дух, который и раньше вел меня вперед, оставаясь то смутным, то более ясным; но теперь он выступил с полной ясностью и одновременно под формой красоты: с одной стороны, высочайшее внимание к фактам, точное знание естественных наук и одновременно владение всей историей культуры; с другой стороны – кантовский критицизм, однако, смягченный и расширенный Шопенгауэром – а прежде всего высокий этический взлет; в отношении же религиозных догм, с одной стороны, острейший радикализм в теории, с другой стороны, великодушная толерантность на практике. (Vaihinger, 1921, 188–189)

Для истории философии и культуры такие свидетельства современников чрезвычайно интересны. Обилие произведений науки и культуры, которые на протяжении десятилетий и столетий как бы встают в один ряд, конкурируя друг с другом, затмевает тот факт, что отдельные сочинения (о которых впоследствии забывают или судят с поверхностной снисходительностью) в исторический момент их появления могли играть роль поистине поворотных событий в истории духа, в истории философии. Названная книга Ф.А. Ланге и была таким событием. Кстати, именно так она была воспринята философами далекой России, и не только ими: книгу Ланге сначала в оригинале, а потом в переводе читали также и естествоиспытатели, литераторы, врачи, словом широкая интеллектуальная публика нашей страны, интересовавшаяся философией.

Вернемся к Файхингеру. Наряду с работой Ланге он осваивал всё самое интересное, что имелось в то время в философии, психологии, особенно немецкой. Отметим такой любопытный факт. Файхингер фиксирует, как значительное для него обстоятельство, прибытие в Лейпциг осенью 1875 года Вильгельма Вундта (1832–1930), уже известного в то время психолога и философа. Напомню, что в 1876 году лекции Вундта в Лейпциге слушал и Э. Гуссерль. Имя этого философа и ссылки на его работы встречаются у Гуссерля; он нередко ссылается на работы Ланге в *Философии арифметики*. Для нашего историко-философского исследования необходимо зафиксировать, как причудливо порою пересекаются “линии судеб” в творческом развитии мыслителей, принадлежащих к различным направлениям, но в “пространстве философии” так или иначе встречающихся с одними и теми же идеями, интеллектуальными веяниями.

Файхингер выразил свое отношение к некоторым из этих идей в своей первой книге “Гартман, Дюринг и Ланге. К истории философии в XIX веке. Критическое эссе” (Vaihinger, 1876).

А в 1876 году он написал объемистое габилитационное сочинение, общий заголовок которого – примечательно и для будущей гуссерлевской философии – гласил: “Логические исследования. I часть”! Правда, подзаголовок был таким, какой, казалось, (и как всё еще “кажется” сциентистским читателям Гуссерля, особенно логикам) никогда не мог появиться в более поздней одноименной гуссерлевской работе: “Учение о научных фикциях”. Не забудем, вместе с тем, что в жестком логицистском пространстве I тома уже гуссерлевских *Логических исследований* все законы естествознания – в противовес истинам логики и математики – тоже названы “идеализирующими фикциями”! Сам Файхингер отмечал, что по смыслу и содержанию его диссертация уже включала в себя идеи того учения, которое позже, в 1911 году, было предложено им в качестве целостной “философии Als-Ob”, “философии как если бы”, тогда и принесшей Файхингеру шумную, даже несколько скандальную известность.

В 1877 году в Страсбурге он защитил “Логические исследования” как свою вторую диссертацию. Файхингер, правда, намеревался дальше работать над первым наброском рукописи. У него также был план осуществить исследование английской философии. Но тут ему пришлось, из-за смерти отца, на несколько лет отвлечься от научной работы и заняться делами семьи.

В Галле экстраординарный профессор Ганс Файхингер появился в 1884 году (т. е. за три года до Гуссерля). Но ещё до приезда в Галле Файхингер усиленно занимался *Критикой чистого разума* Канта, первый том комментария к которой он подготовил к осуществленному в 1881 году в Штутгарте юбилейному изданию этого великого произведения кенигсбергского мыслителя. Второй том вышел только в 1892 году (как отмечал сам Файхингер, усиленная лекционная деятельность в Университете Галле и слабое здоровье затянули выполнение начатого проекта). Важно, что в Университете Галле одновременно с Гуссерлем преподавали, писали свои известные теперь книги и статьи выдающиеся знатоки Канта (например, Б. Эрдманн), к каковым принадлежал и Г. Файхингер.

Впоследствии, уже в качестве ординарного профессора Университета Галле Файхингер (1896 г.) учредил журнал “Кантовские исследования” (Kantstudien) – важнейшее кантоведческое издание, существующее до сего времени. Позднее им будут основаны Фонд Канта и Немецкое кантовское общество. Это были важные, исторически дальновидные инициативы.

А как протекала собственная, в том числе кантоведческая деятельность этого философа? Согласно описаниям самого Файхингера, он постоянно – ещё начиная с диссертационного сочинения, во время создания Комментария к *Критике чистого разума*, при подготовке и чтении лекций – по крупицам формировал, дополнял, видоизменял свою “философию Als-Ob”. “[...] Ещё между 1877 и 1879 годами, – пишет Файхингер, – я отметил в сочинениях Канта важнейшие ‘как если бы’ цитаты (‘Als-Ob-Stellen’)” (Vaihinger, 1921, 194). А потом таких Als-Ob-ссылок, признается философ, накопилось на сотни страниц. К уже накопленному богатству годами добавлялись новые материалы, например, в том же духе использовались учения Ф. Ланге и Ф. Ницше. Наконец, в 1911 году работа над “Философией Als-Ob” была закончена.

Нас более всего интересует тот период в философском развитии Файхингера, во время которого он и Гуссерль трудились, как коллеги, в Университете Галле. Между обоими философами – довольно известным профессором-неокантианцем и пока скромным приват-доцентом Гуссерлем – не было, кажется, особо тесных, тем более дружеских отношений. В *Философии арифметики* Гуссерль на Файхингера не ссылался – столь далека была непосредственная тема его работы от сочинений этого философа. Однако было нечто формально общее, объединявшее старшего и младшего коллег – это, во-первых, интерес к Канту, который вчерашний математик Гуссерль проявил начиная со своих первых произведений, а во-вторых, знакомство и Гуссерля, о чем мы уже говорили, с упомянутой ранее работой Ланге. Однако ведь интерес к одним и тем же философам, проблемам, произведениям не обязательно предполагает единство, родство взглядов и подходов.

Г. Файхингер (несмотря на слабое здоровье, на постоянно ухудшавшееся зрение) весьма активно участвовал в университетской и внутрифакультетской жизни. Главные линии размежевания будут более подробно рассмотрены как раз на примере Файхингера. О ней он рассказывает в своей “Автобиографии”.

СПОРЫ ВОКРУГ “ПОЗИТИВИЗМА” И ИДЕИ ФАЙХИНГЕРА

Когда Файхингер начал разрабатывать свою философскую систему, то он дал ей название “позитивистский идеализм”, или “идеалистический позитивизм” (Vaihinger, 1921, 195). В этой связи Файхингер упомянул трехтомное сочинение Эрнеста Лааса *Идеализм и позитивизм* (Laas, 1879-1884). И напомнил, что как раз в то время Мах, Авенариус, Шуппе активно

разрабатывали позитивистское учение, правда, не акцентируя слово “позитивизм” в программных постулатах и обозначениях. А главные направления тогдашней немецкой философии, согласно Файхингеру, все еще оставались верными традиционным идеалистическим ориентациям. С этой констатацией в целом можно согласиться. Файхингер пишет:

Мне казалось, что между этими обеими односторонностями необходимо опосредование, тем более что в других странах такие попытки уже с успехом предпринимались. И мне думалось, что настало, наконец, время предоставить слово синтезу идеализма и позитивизма. Успех этого дела показал, что нужное слово было сказано в нужное время. (Vaihinger, 1921, 195–196)

Мы присутствуем, тем самым, в начале той истории создания, восприятия, рецепции второго позитивизма, при описании которого редко учитываются оттенки, подобные борьбе Файхингера за протягивание связующих нитей между философией прошлого и новыми позитивистскими веяниями.

Претензии системы, задуманной Файхингером, вообще были весьма широки. Он хотел показать, как философия синтезирует, объединяет подход к природе и подход к сознанию, этим “двум полушариям действительности (beide Hemisphären der Wirklichkeit)” (Vaihinger, 1921, 198), ибо она объясняет проблемы происхождения мира и целей бытия, преодолевая расхождения естественных наук и наук о духе. Беда была, однако, в том, что задуманный философский синтез на этот раз осуществлялся, в основном, в творческой лаборатории Файхингера, оставаясь неизвестным читающей публике. Возможно, Файхингер проговаривал эти идеи на лекциях. Но коллеги-то лекций не слушали... (А когда в 1911 году результаты “синтеза” были опубликованы, оказалось, что они не оправдали ожиданий читателей и не соответствовали завышенным претензиям автора).

Необходимо подчеркнуть, что весьма своеобразный файхингеровский синтез позитивизма и идеализма, базировавшийся на (необычном) истолковании Канта, по существу перечеркивал гегелевско-фихтевскую идеалистическую линию, о чем четко и откровенно сказал сам Файхингер:

Все более сильный – с течением времени – поворот идеалистической философии, в том числе и неокантианской, к Фихте и Гегелю представляется мне все более сомнительным. Я постоянно придерживался того мнения, что это идеалистическое направление, частью чуждое действительности, а частью ей враждебное, заключает в себе тем большую опасность для всей немецкой сферы образования (Bildung), что оно соблазняет молодежь к недооценке зарубежной

философии, а вместе с нею и всей культуры соседних народов, к недооценке всех их достижений, их духовной и нравственной силы. (Vaihinger, 1921, 195–196)

Этот достаточно необычный подход Файхингера к философии Гегеля и Фихте заслуживает того, чтобы над ним задуматься. Приведенные строки опубликованы в книге 1921 года. Не объясняется ли оценка Файхингера тем, как в конце XIX и особенно в начале XX века интерпретировались, воспринимались молодежью учения великих классиков немецкой мысли? Потому что вывести “философскую ксенофобию” – при внимательном и объективном анализе – из самых их учений довольно трудно. (Возможно и то, что погруженный в кантовскую философию Файхингер во всем том, что касается учений Гегеля, Фихте, Шеллинга, так и остался на уровне студенческих знаний, почерпнутых в Тюбингенском институте.)

Как бы ни обстояло дело в конце пути, ко времени преподавания Файхингера в Галле слово “позитивизм” (“идеалистический позитивизм” применительно к собственному учению) им было четко произнесено. Оно оказалось роковым для Файхингера – именно потому, что группа профессоров Университета Галле, возглавляемая антиковедом Эдуардом Мейером (1855–1930), который в 1889 году прибыл в Галле из Бреслау, объявила войну не на жизнь, а на смерть как раз позитивизму. “Уже до 1885 года в Лейпцигском академическо-философском объединении Майер страстно атаковал позитивизм (и там скрестил клинки со своим теперешним коллегой по факультету Г. Файхингером)” (Mühlpfordt, 2001, 54).

Возникает вопрос – и он совсем не простой: что было такого в концепции Файхингера, что позволило ему присоединить к характеристике своего учения, продолжавшего традиции кантовской философии, ещё и слово “позитивизм”? Файхингер пояснял, что от позиции Ланге расходятся два пути. По одному пошла школа Г. Когена, или марбургское неокантианство. “А можно было соединить неокантианство Ланге с эмпиризмом и позитивизмом. Это произошло благодаря моей философии Als-Ob, которая ведет к основательному проникновению в Als-Ob-учение самого Канта” (Vaihinger, 1921, 189).

Поскольку эти само-характеристики взяты из работы Файхингера 1921 года, можно не сомневаться в том, что понятия “позитивизм”, “эмпиризм” были выбраны им и защищались не в некоей молодой запальчивости, а, так сказать, на всю оставшуюся жизнь. Поэтому более поздние поистине чеканные

формулы, скорее всего, могут пояснить и более ранние идеи Файхингера, которые зародились еще во время его профессорства в Галле. Приведу некоторые тезисы этого рода, которые Файхингер называет “убеждениями” своей философии Als-Ob:

1. В теории познания философский анализ ведет в конечном счете к содержаниям ощущений, а в психологии – к ощущениям, чувствам, стремлениям, соответственно, к действиям. К другому понятию действительности ведет естественнонаучный анализ – он приводит к понятиям массы, мельчайших частиц и их движений. Рассудку по самой его природе недоступно привести эти две сферы действительности в рациональное отношение, которое, однако, в созерцании и переживании образует гармоническое единство.
2. Устремления (Streben), которые, вероятно, наличествуют уже в элементарных физических процессах, суммируются в органических существах в побуждения (Triebe), которые уже у высших животных, а наиболее полно у вышедших из животного царства людей развиваются до уровня воли и действия, в свою очередь вызывающих движения, а через посредство возбуждений порождают ощущения.
3. Представления, суждения, умозаключения, следовательно, мышление – все это служит средством для воли к жизни и к господству (zum Herrschen). Мышление, таким образом, первоначально является лишь средством в борьбе за существование, а постольку – лишь биологической функцией. (Vaihinger, 1921, 200)

Задержимся на этих тезисах. Они не составляют *всю* философию Als-Ob, но являются её исходными постулатами. Что подобные тезисы Файхингер, будучи в 80-х – 90-х гг. XIX в. профессором в Галле, выдвигал в столь же резкой, задиристой форме, зная о чертах характера этого человека, можно не сомневаться. И нетрудно представить себе, как могли реагировать на них профессора философии и других гуманитарных наук, воспитанные в традициях немецкого идеализма. Скорее всего “эмпиризм” и “позитивизм”, акцентированный Файхингером резко, четко, даже нарочито, представлялся кому-то из них вульгаризацией, натурализацией, особенно неуместной в случае толкования человеческой мысли, её высочайших результатов, но непригодной и для философского осмысления воли, чувств, побуждений именно человеческого существа.

Впрочем, в этом случае не нужно строить догадки о реакции коллег, настроенных антипозитивистски. Постоянным противником Файхингера на философском факультете университета Галле был уже упомянутый историк-антиковед Эдуард Майер. “...В первой половине 70-х гг. Майер развязал – в Лейпцигском академико-философском объединении, основанном Авенариусом, – ожесточенные дебаты с позитивистами, в их числе

и с Файхингером” (Mühlpfordt, 2001, 229). В то время сам Майер был в Лейпциге приват-доцентом и трудился над вышедшим в 1884 году первым томом своей “Истории древности”, в которой нашли воплощение не только чисто “исторические нарративы”, выражаясь современным языком, но и философско-исторические аспекты его взглядов и идей. Специалисты справедливо отмечают, что в конкретной исторической работе самому Майеру отнюдь не был чужд стиль определенного “исторического позитивизма” (Mühlpfordt, 2001, 229): он тяготел к “нарративному историческому описанию” (в духе школы Ранке), высоко ценил фактографию. Вместе с тем, идеалистические основания философии истории сохраняли для него непреходящее значение. Иногда говорят даже о “господстве субъективизма и волюнтаризма” в его сочинениях и методологии (Mühlpfordt, 2001, 229). Действительно, в центре философско-исторической конструкции Майера – индивидуальное с его неповторимыми, но достойными исторической реконструкции особенностями: “Объект истории – это везде исследование и изображение отдельного процесса, то есть того, что мы наилучшим образом можем суммировать под эгидой понятия индивидуального” (Meyer, 1902, 29). Необходимо понять, что “исторический позитивизм” мало совместим с позитивизмом натуралистического толка. И ясно, почему. Ведь в истории, в её описании всегда (возможно, лишь за исключением самых первых этапов) имеют дело уже не с “натуральным”, а с историческим субъектом и с событиями не чисто природного, а социально-исторического характера.

Впрочем, и в исторических дисциплинах не за горами был всплеск своего рода “исторического натурализма” – он пришелся на начало XX века. Мейер впоследствии даст бой и этим проявлениям натурализма, позитивизма (и “расизма”) в его собственной науке (Mühlpfordt, 2001, 239). А ещё позже, в 1922 году, он вступит в спор с самим Освальдом Шпенглером (с которым он состоял в переписке до самой смерти).

Майер критиковал у Шпенглера прежде всего те обобщения, – не согласующиеся с результатами исследований древней истории, классической археологии, истории религии, – которые Шпенглер метафизически подводил под понятия “души культуры” (Kulturseele), народных характеров [...]. “В противовес им и в противоречии с ними (это уже цитата из письма Мейера Шпенглеру. – Н.М.) образование специфических политических форм со всеми им присущими задачами и устремлениями создает бесконечное многообразие исторического развития. Так обстоит дело и с современностью. С огромной силой за всеми поверхностными побуждениями поднимается чудовищный облик бездушного, чисто механического капитализма, который стремится

подчинить себе все области и подавляет всякое самостоятельное, свободное движение и любую индивидуальность [...]” (Mühlfordt, 2001, 253–254)

Далее следуют горькие рассуждения о политике, в которых напоминание о путче Каппа соседствует с предсказанием ещё более страшных событий. Но всё это произойдет много позже (хотя Майер как историк справедливо акцентировал взаимосвязь вчерашних, сегодняшних, завтрашних событий).

Вернемся, однако, в интересующий нас период. Оппозиция “Майер-Файхингер” в вопросе о позитивизме – это отнюдь не частный эпизод из истории немецкой мысли. В нем, как в капле воды, отражаются идейно-теоретические, а также и практико-политические веяния времени. В споре, скажем условно, “позитивизма” и “идеализма” должен был разобраться каждый мыслитель, который искал собственный путь в философии, в других науках гуманитарного профиля, да и в науках вообще. Это отнюдь не означало, что ему нужно было непременно примкнуть к позиции той или иной стороны. Более того, вполне оправданно предположить, что, например, в случае Гуссерля некоторые конкретные оппозиции должны были остаться в стороне и что его внимание привлекли лишь те проявления этого общего спора, которые всего более затрагивали предмет исследования молодого ученого, вчерашнего математика, вступившего на стезю философии. А таких проявлений было немало. Особенно выпукло они выступили позже, в исследовательском пространстве I тома *Логических исследований*, где имеет место резкое размежевание автора с различными формами натурализма, позитивизма и где среди критикуемых “философских героев” оказываются отцы “второго позитивизма” Мах и Авенариус. Не следует забывать и о гуссерлевской критике натурализма, физиологизма в психологии. Однако до этого результата – I тома гуссерлевских *Логических исследований* – ещё надо было дожить. Что касается *Философии арифметики*, то в этой работе есть всего одна ссылка на Маха – да и то в связи с работой Христиана Эренфельса (Ch. Ehrenfels “Über Gestaltqualitäten”). Гуссерль в одном из примечаний (Husserl, 1970, 210–211), в последний момент включенных в работу, упоминает и об исследовании Эренфельса, и о том, что последнее было вдохновлено знаменитой книгой Эрнста Маха “Beiträge zur Analyse der Empfindungen” (Jena, 1886). И вот очень краткая “реплика” Гуссерля, которая дорогого стоит: “Поскольку я читал данную работу этого интеллектуального физика сразу после её появления, вполне возможно, что реминисценции от этого чтения

оказали влияние на процесс формирования моих мыслей” (Husserl, 1970, 211). Вот и верьте после этого “методу ссылок”: *всего одно*, притом в последний момент вписанное упоминание имени Маха, но какое! Ведь это *четкое признание того, что и сочинения таких крупных естествоиспытателей и философов-позитивистов, как Мах, оказали свое влияние на процесс рождения идей раннего Гуссерля*. А не сделай этого автор “Философии арифметики”, исследователи, возможно, так бы и пребывали в плену той иллюзии, будто споры вокруг позитивистских концепций вовсе “нерелевантны” размышлениям и поискам молодого Гуссерля.

Гуссерль вряд ли мог совсем уж оставаться в стороне от споров почтенных коллег-профессоров, в данном случае от размежевания Майера-Файхингера по вопросу о позитивизме. Ведь спор всё время выплескивался, переливался в практические дела, которые так или иначе затрагивали на факультете всех и каждого. Так, в 1894 году Майер пытался сорвать предоставление Файхингеру должности ординариуса, но, оставшись в меньшинстве, потерпел поражение (Mühlpfordt, 2001, 230). Гуссерль наверняка – с вполне понятным интересом, и коллегиальным, и личным – следил за этими перипетиями. Несомненно, они живо обсуждались в кругу Георга Кантора, как известно, враждовавшим с “бреславцами”, прежде всего с Майером. Но Гуссерль, чье пребывание в приват-доцентах затянулось, скорее всего, с большим пониманием относился к ожидавшим должности, нежели к тем, кто пытался приостановить научную карьеру коллеги. Что поделаешь, дела житейские...

Еще в 1884, а особенно к 1888 году философские идеи Файхингера заметно эволюционировали к тому, что коллеги воспринимали как “пессимизм, эволюционизм, позитивизм”. Это имело свои явные социальные предпосылки. Сам Файхингер в этом отношении особо выделял 1888 год. “Давно уже скрыто наличествующее и ширившееся гражданское беспокойство (Unbehagen) в это время видело свою задачу в переориентации, в поиске и утверждении новых, достойных употребления (brauchbarer) идеалов...” (Mühlpfordt, 2001, 193). С социально-политической точки зрения речь могла идти, с одной стороны, о целом ряде социально-исторических процессов, например, о международном конгрессе социалистов, состоявшемся 14-20 июля 1889 г. в Париже, о формировании II Интернационала, а с другой стороны, об антисоциалистических мерах Вильгельма II и его окружения, выразившихся, в частности, в стремлении сделать “школьное образование – на всех его

ступенях – пригодным для того, чтобы противостоять распространению социалистических и коммунистических идей” (Mühlpfordt, 2001, 193). Вникать во все эти процессы разрастания социалистического движения (выборы в Рейхстаг от 20.02.1890 г. с удвоением, до 20 % числа голосов, поданных за социал-демократических кандидатов, отставка Бисмарка и т. д.) здесь невозможно, да и лишено, в контексте нашей темы, особой необходимости.

С содержательной стороны спор в принципе вполне мог занимать Гуссерля, пусть он и не относился прямо и непосредственно к предметам его исследований в 80-х – начале 90-х гг. XIX в. Ведь молодой ученый искал свой путь *в философии*, и ему было совсем небезразличны дебаты вокруг того, какой философия должна была стать на переднем крае её развития, на рубеже заканчивавшегося XIX века и на близкой заре того нового столетия, в которое он рассчитывал вступить – и действительно вступил – самостоятельным, новаторски мыслящим философом. Из того, что нам известно и об этом пути, и о его первых результатах, вырисовывается непростая, противоречивая, я бы сказала, антиномичная картина, имеющая отношение к спору вокруг позитивизма. Вот что располагается на одной стороне антиномии: Гуссерль вышел из горнила точных наук, он продолжал заниматься философией *математики*. Логика, в которую он все более погружается, тоже воспринимается им как точная, строгая дисциплина. Не приходится сомневаться в том, что будущий идеал “философии как строгой науки”, которому Гуссерль останется верным на протяжении всего своего творческого пути², фактически уже стал для Гуссерля руководством к действию, хотя пока ещё мало выражался в общих и “торжественных” словах. И поэтому ориентирование философии на науку и научность, заявленное позитивизмом, вряд ли было для Гуссерля чуждым лозунгом. Нельзя забывать, что учитель Гуссерля Brentano работал в психологии под броским лозунгом: психология должна ничем не отличаться от естественных наук. Но в пределах этих и подобных ориентаций в философии конца XIX в. было немало самых различных оттенков, так что пространство выбора для тех, кто, подобно Гуссерлю, хотел разрабатывать научную и даже строгую философию, оставалось достаточно широким. Можно в общей форме утверждать, что Гуссерль – и уже в первых своих работах – не пошел по позитивистскому, тем более натуралистическому пути.

² Подробнее об этом см.: (Motroshilova, 2003, 509 ff.).

Потому что была и другая сторона его творческой антиномии: Гуссерль всё-таки ориентировался на математику, логику, а психология, тем более физиология, не будем этого забывать, все же была вторичным объектом занятий. И именно поэтому, как представляется, *будущий основатель феноменологии никак не мог одобрить натуралистические подходы разного рода*, выражались ли они в попытках биологизации мыслительно-волевых процессов или в чем-либо ином. Еще яснее этот взгляд станет со смотровой площадки *Логических исследований*.

Но если в конце XIX в. Гуссерль ещё мог воспринимать всё более мощную волну позитивизма, натурализма в науках и философии, прагматизма и практицизма в повседневных делах как скоропреходящую моду, то ко времени написания “Кризиса европейских наук и трансцендентальной феноменологии” (1938 год) опыт поистине страшных исторических событий привел его к хорошо обоснованному и, главное, глубоко пережитому выводу о причастности этих по видимости внутритеоретических болезней времени к всестороннему кризису европейского человечества. Вопреки тому достаточно распространенному в литературе мнению, что и сам Гуссерль в молодости, во время увлечения психологизмом, отдал дань этим модным поветриям, я полагаю: *ранний Гуссерль не увлекался ни собственно психологизмом – уже потому, что такого массового явления, а значит, и способов именно вокруг него – ни тем более психофизическим натурализмом, а лишь руководствовался идеей дать (также и) психологический генезис математических понятий, что далеко не одно и то же*³.

Поэтому при всей верности и молодого Гуссерля тезисам о научности философии (а отклонения от него не просматриваются и в раннем творчестве) он вряд ли мог солидаризироваться с ранее приведенными “убеждениями” Файхингера, если последний, что вполне правдоподобно, выражал их в такой же заостренной форме. Однако же и у Файхингера, о чем был предупрежден читатель, натуралистически звучавшие тезисы испытывали впоследствии, в процессе построения целостной теории, довольно заметную трансформацию.

Файхингер сформулировал закон “перевеса средств над целью” и в его духе так рассматривал проблемы мышления: хотя они в “составе” явлений природы должны были служить ей одним из подчиненных средств, с течением

³ Подробнейшее обоснование этих идей предполагаю дать в подготовленной к печати книге “Ранний Гуссерль (Галле, 1887-1901)”.

времени результаты мышления всё более отчуждались от практических целей и в конце концов превращались в самостоятельную теоретическую мысль. А в результате стала блуждать в потемках и философия, потому что она возводила на пьедестал и объявляла первичным, самостоятельным то, что лишь “по видимости” (*anscheiend*) независимо, первично – так называемый теоретический разум.

И вот – внимание! – делается поворот к “философии Als-Ob”:

Многие мыслительные процессы и образования при таком освещении предстают как сознательно ложные допущения, которые либо противоречат действительности, либо являются самопротиворечивыми, но которые намеренно строятся так, чтобы благодаря подобным искусственным отклонениям преодолеть трудности мышления и такими обходными путями (*Schleichwegen*) достигнуть целей мышления. Такие искусственные мыслительные образования называются научными фикциями, которые благодаря их Als-Ob-свойствам характеризуются как продукты сознательного воображения. (Vaihinger, 1921, 201)

И таким способом образуется, согласно Файхингеру, целый мир Als-Ob, мир “ирреального”, (частично) мир ценностей, приобретающий не меньшее, а в этике и эстетике большее значение, нежели “мир – в обычном смысле слова – действительного или реального” (Vaihinger, 1921, 202). А в форме религиозного мира он резко противостоит “миру становления, данному в нашем представлении” (Vaihinger, 1921, 202).

Тема двух “миров”, так своеобразно, даже причудливо прочерченная Файхингером в его философии Als-Ob, – все что угодно, только не посторонняя для философии Гуссерля, в том числе и раннего. А уже от *Логических исследований* с их концентрированием на мире “чистых сущностей”, на *Wesensschau*, усмотрении сущностей, к более поздним и самым поздним произведениям тянется прочная преемственная нить постоянного, ступенчатого осмысления этой центральной для феноменологии темы (Motroshilova, 2003, 552-553). Трудности, подобные тем, на которые наталкивается и с которыми пытается справиться Файхингер, являются и для Гуссерля предметом все более глубоких, поистине мучительных раздумий. Можно даже исходить из предположения, что мысль Гуссерля делает своеобразный скачок от I ко II тому *Логических исследований* именно вследствие поворота от принятия онтологизированного, в чем-то ещё не полностью оторвавшегося от платонизма, от математизированного, в духе Больцано, представления о мире “истин в себе” – к трансценденталистской

позиции, с точки зрения которой “локализация” чистых сущностей в особом сознании, усмотрении в качестве его неотъемлемого коррелята как бы снимает традиционную и вместе с тем весьма актуальную для конца XIX в. тему “двух миров” как якобы самостоятельно существующих.

Что касается сопоставления с файхингеровским подходом, то, с одной стороны, причисление многих “истин”, утверждений и т. д. к миру Als-Ob, *по существу* получит поддержку раннего Гуссерля, который (ещё раз напомним) назовет даже законы естествознания – предмет наибольшей гордости естественных наук – “идеализирующими фикциями”. С другой же стороны, Гуссерль категорически отличит от последних настоящие, подлинные, “чистые” истины (математики и логики), хотя признаётся, что таковых весьма немного.

Но всё это пока что разговор о “высоких” мыслительных образованиях. В отношении же обычной, повседневной жизни Файхингер придерживается взгляда, весьма напоминающего (упрощенную) позицию Маха, Авенариуса и восходящего ещё к Беркли: “То, что мы обычно называем действительным, состоит из содержаний наших ощущений, которые навязываются нам с большей или меньшей неодолимостью (*Unwiderstehlichkeit*) и в качестве данностей обыкновенно не могут быть отклонены нами” (Vaihinger, 1921, 202). В мире ощущений, по Файхингеру, полностью господствуют закономерности сосуществования и последовательности, изучение которых и является делом, содержанием наук. “Многих удовлетворяет фикция, в соответствии с которой мир рассматривается так, как если бы (als-ob) его создал и его по крайней мере направляет некий совершенный высший дух”. Файхингер завершает изложение принципов своей философии таким тезисом: “Бессмысленно спрашивать о смысле мира – это выражено в словах Шиллера: ‘Знайτε, высший смысл вносит в жизнь величие, но не в ней он ищет это величие’ (*Wisset, ein erhabener Sinn legt das Große in das Leben, und er sucht es nicht darin – ‘Huldigung der Künste’, 1805*), – а это и есть позитивистский идеализм” (Vaihinger, 1921, 202).

Такой, в общих чертах, была “философия Als-Ob” Ганса Файхингера – философия интересная, оригинальная, противоречивая. В деятельности этого философа чрезвычайно важны специальные, специфические историко-философские разработки. Это чисто кантоведческая линия, запечатленная, например, в обширном специальном его комментарии к *Критике чистого*

разума Канта. Но этот конкретный анализ выходит за рамки темы данной статьи.

Во-вторых, Гуссерль, интересуясь философией Канта, меньше всего интересовался конкретным кантоведением, и по сути никогда, а не только в ранний период, не углублялся в него.

В-третьих, само неокантианство, если разбирать его теоретические заявки, разработки, находилось – как и гуссерлевская философия – в процессе становления. Ряду центральных произведений самых влиятельных неокантианцев ещё предстояло выйти в свет и оказать свое влияние. Поэтому история темы “Гуссерль и неокантианцы”, в 80–90-х годах XIX века, связанная с именами коллег Б. Эрдманна и Г. Файхингера, – только предыстория. После выхода в свет “Логических исследований” она включит в себя центральные и для неокантианцев, и для Гуссерля темы, а вместе с тем и главные имена представителей неокантианского направления. Тогда Гуссерль на равных будет сотрудничать и дискутировать с корифеями неокантианства.

А ведь пока – в Галле, – он, в сущности, неизвестный ученый, который трудится над своими первыми сочинениями...

REFERENCES

- Ehrenfels, Ch. (1890). *Über Gestaltqualitäten*. Leipzig: Reissland.
- Husserl, E. (1970). *Philosophie der Arithmetik* (Hua XII). Den Haag: Martinus Nijhoff.
- Laas, E. (1879–1884). *Idealismus und Positivismus. Eine kritische Auseinandersetzung*. In Bd. 3. Berlin: Weidmann.
- Max, E. (1886). *Beiträge zur Analyse der Empfindungen*. Jena: Fischer.
- Meyer, E. (1902). *Zur Theorie und Methodik der Geschichte*. Halle: Max Niemeyer.
- Motroshilova N.V. (2003). «Idee I» Edmunda Gusserlya kak vvedenie v fenomenologiyu [«Ideas I» Edmund Husserl as an Introduction to Phenomenology]. Moscow: Phenomenology-Hermeneutics.
- Mühlpfordt, G., Schenk, G., Meyer, R., & Schwabe, H. (2001). *Der Spirituskreis (1890-1958). Eine Gelehrten-gesellschaft in neuhumanistischer Tradition. Vom Kaiserreich bis zum Verbot durch Walter Ulbricht im Rahmen der Verfolgungen an der Universität Halle 1957 und 1958*. Halle: Hallescher.
- Schiller, F. (1805). *Theater von Schiller: Die Huldigung der Künste. Don Karlos. Die Jungfrau von Orleans*. Tübingen: Cotta.
- Vaihinger, H. (1876). *Hartmann, Dühring und Lange. Zur Geschichte der philosophie im 19. Jahrhundert. Ein kritischer Essay*. Iserlohn: J. Baedeker.
- Vaihinger, H. (1921). *Die Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen*. Leipzig: Meiner.